

О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ: КОММЕНТАРИИ

Т.И. Ведерникова, Г.А. Корнишина, Н.В. Беленов

Тамара Ивановна Ведерникова | <https://orcid.org/0000-0003-0212-8975> | vti53@mail.ru | к. и. н., доцент | Самарский государственный институт культуры (ул. Фрунзе 167, Самара, 443010, Россия)

Галина Альбертовна Корнишина | <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041> | g.kornihina@mail.ru | д. и. н., профессор | Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (ул. Большевикская 68/1, Саранск, 430005, Россия)

Николай Валерьевич Беленов | <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966> | belenov82@gmail.com | к. п. н., доцент | Самарский государственный социально-педагогический университет (ул. Максима Горького 65/67, Самара, 443099, Россия)

Ключевые слова

мордва, традиционная культура, мордва-мокша, мордва-эрзя, Самарское Поволжье, этнотерриториальная группа

Аннотация

В настоящей публикации представлено обсуждение статьи Н.В. Беленова “Некоторые особенности традиционной культуры мордвы Самарского Поволжья”, в которой автор проводит исследование уникальных культурных традиций и элементов традиционного мировоззрения этнотерриториальных групп мордвы Самарского Поволжья. Автор обсуждаемой статьи приводит аргументы в пользу того, что многие элементы традиционной культуры различных этнотерриториальных мордовских групп имеют общемордовские истоки, которые, однако, претерпели существенные изменения после того, как данные группы обосновались на территории Самарского Поволжья. Критические замечания по поводу аргументации автора и свой взгляд на тему излагают Т.И. Ведерникова и Г.А. Корнишина, вступающие в полемику с автором.

Статья поступила 26.08.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 11.09.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Ведерникова Т.И., Корнишина Г.А., Беленов Н.В. О традиционной культуре мордвы: комментарии // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 1. С. 120–138. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010080>

Vedernikova, T.I., G.A. Kornishina, and N.V. Belenov. 2022. O traditsionnoi kul'ture mordvy: kommentarii [On the Traditional Culture of Mordevians: Comments]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 120–138. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010080>

СЕЛЬСКИЕ МИКРОИСТОРИИ В АВТОРСКОЙ ПРОЕКЦИИ: ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГРУППА МОРДВЫ ЗАВОЛЖЬЯ

Т.И. Ведерникова

Мордва – традиционная для Самарской области этническая группа, которая в 2010 г. составляла 65,4 тыс. человек, находясь по численности на четвертом месте после русских, татар и чувашей. Формирование группы происходило в XVII–XIX вв. в процессе аграрного освоения региона и дисперсного расселения народов на новых территориях.

Актуальность темы обсуждаемой статьи не вызывает сомнения. Автор справедливо указывает, что культура мордвы Самарского Поволжья характеризуется, с одной стороны, сохранением традиций районов выхода переселенцев, с другой – приобретением новых черт в результате взаимодействия с иноэтничным населением в осваиваемом регионе. Исследования истории и традиционной культуры мордвы актуализируются и тем, что в последние десятилетия появился ряд публикаций, в том числе монографического характера, о численно лидирующих в Самарской области народах – русских, татарах и чувашах. Но пока нет исследований, посвященных мордве.

Несомненным достоинством статьи является включение в научный оборот полевых материалов автора, полученных в этнографических экспедициях последних трех лет. В ряде случаев они убедительно подтверждают и расширяют сведения, содержащиеся в уже вышедших публикациях о мордве Самарского края.

Вместе с тем вызывает вопрос само название статьи, в котором не просматриваются ни цель, ни предмет исследования. Лишь из текста можно предположить, что речь идет об обрядовой культуре самарской мордвы в сравнении с традициями жителей исходных территорий расселения предков, а также иноэтничных соседей в Самарском крае.

Конкретизации требует и достаточно поверхностный историографический обзор. Отдельную страницу в истории этнографического самарского краеведения составила деятельность Общества истории, археологии и этнографии, созданного в 1919 г. при Самарском государственном университете – Н.В. Беленов лишь упоминает безымянных слушателей археолого-этнографических курсов при Обществе. Весьма значимой фигурой в исследованиях народов Самарского края в начале XX в. представляется И.С. Поздьяев, труды которого в действительности являются уникальным источником по обрядовой культуре и языческим верованиям самарской мордвы (Поздьяев 1928). Не получил должного внимания автора статьи начавшийся с 1970-х годов период изучения мордвы самарскими и саранскими исследователями, участниками полевых экспедиций в Куйбышевскую/Самарскую область (Ведерникова 1981; Корнишина 1987, 1992; Тумайкин 1974а, 1974б, 1978, 1982 и др.). Современный этап ознаменовался целым рядом публикаций, посвященных конфессиональной специфике (Ведерникова 2012; Корнишина 2008, 2015б) и обрядовой культуре (Ведерникова 2019) самарской мордвы, а также истории отдельных мордовских селений (Алексеева 2019; Ведерникова и др. 2019). Недоумение вызывает ссылка Н.В. Беленова на “Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края” (2019) – хрестоматийное издание, составленное из опубликованных ранее работ разных авторов археологом Н.М. Малковой, хотя изыскания самой исследовательницы, посвященные региональным традициям погребальной обрядности мордвы (на материале ряда могильников, в том числе Коноваловского) (Малкова 2000), не нашли отражения в обсуждаемой статье.

Существенным недостатком работы Н.В. Беленова представляется отсутствие принципа (маркера) выделения ряда “этнотерриториальных групп эрзи и мокши” в муниципальных районах Самарской области и включение (или невключение) жителей отдельных селений в конкретную группу. Согласно тексту автора, “мордовское население отдельных населенных пунктов – эрзя-мордовских сел Шилан (Красноярский р-н) и Коноваловка (Борский р-н), а также мокша-мордовского с. Благодаровка (Борский р-н) – не входит в состав ни одной из перечисленных этнотерриториальных групп и, обладает уникальными этнокультурными и этноязыковыми особенностями”.

Теоретические подходы к определению структурного элемента этноса – “этнотерриториальной группы”, на наш взгляд, основательно разработаны в трудах Г.А. Корнишиной (*Корнишина* 2015а), Р.Г. Кузеева (*Кузеев* 1992), Е.А. Ягафовой (*Ягафова* 2013) и др., рассматривающих различные народы Волго-Уральского региона. Что касается этнической группы мордвы Самарского Поволжья, она целым рядом исследователей (*Ведерникова* 1988; *Петербургский и др.* 1994; *Корнишина* 2015а; *Смирнов* 2020) включается в состав этнотерриториальной группы мордвы Заволжья. Заволжье – зона расселения миграционных потоков (на раннем этапе [XVIII – начало XIX в.] из Верхневолжских губерний – Казанской, Нижегородской, Симбирской, а с 1830-х годов из Тамбовской, Пензенской, Саратовской губерний), включавших не только эрзян, но и мокшан. Зона охватывала аграрно-осваиваемые земли Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Самарского, Ставропольского уездов будущей Самарской губернии, Чистопольского уезда Казанской губернии, Белебеевского и Стерлитамакского уездов Уфимской губернии. Сегодня в эту зону входят компактные поселения мордвы Мелекесского, Ново-Малыклинского, Чердаклинского районов Ульяновской области, Лениногорского, Черемшанского, Чистопольского районов Татарстана, Богатовского, Борского, Елховского, Иса克林ского, Клявлинского, Кошкинского, Красноярского, Похвистневского, Самарского, Ставропольского, Челно-Вершинского, Шенталинского районов Самарской области, Абдулинского, Бугурусланского, Бузулукского, Матвеевского, Северного районов Оренбургской области, Аургазинского, Ермикеевского, Стерлитамакского районов Башкортостана. Единство этнотерриториальной группы мордвы Заволжья основывается на общности 300-летнего исторического развития, процессах внутриэтнической консолидации и взаимодействия с иноэтничным населением региона.

Используя традиционный мордовский костюм в качестве маркера для дифференциации различных групп костюмных комплексов, Т.П. Прокина и М.И. Сурина обозначили отдельную заволжскую группу костюма мордвы-эрзи (*Прокина, Сурина* 1990), который ярко демонстрирует взаимосвязь с мокшанским костюмом.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволяют нам внутри этнотерриториальной общности мордвы Заволжья выделить три локальные микрогруппы, в костюмном комплексе которых существуют варианты сочетания как эрзянских, так и мокшанских элементов. Варианты отличаются формой и отделкой костюма, характером конструирования, приемами декорирования, техникой вышивки, сохраняющими связь с ареалами коренной территории, что объясняется неоднородностью состава переселенцев.

Северо-западный или *ставропольский комплекс* сформировался в границах бывшего Ставропольского уезда Самарской губернии (ныне Ново-Малыклинский р-н Ульяновской обл. и Ставропольский р-н Самарской обл.; с этим комплексом генетически связаны и жители правобережных мокшанских селений в среднем течении Волги), в нем ярко проявляется смешение элементов, типич-

ных для одежды и украшений эрзянского населения Нижегородской губернии и мокшан Тетюшского р-на Татарстана (*Евсеев* 1925: 182–185).

Центральный комплекс характерен для жителей мордовских селений, расположенных в верховьях Большого Черемшана, на территориях Челно-Вершинского, Шенталинского, Исаклинского, Похвистневского и части Клявлинского районов. Здесь элементы костюма, характерные для Нижегородской губернии, сочетались с деталями, типичными для Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний.

Восточный комплекс костюма, имеющий параллели с одеждой эрзян Симбирской и Саратовской губерний, был распространен на территории Бугульминского и Бугурусланского уездов Самарской губ. (ныне это восточные территории Клявлинского р-на Самарской обл., а также соседних районов Татарстана и Оренбургской обл.).

В обсуждаемой статье не продемонстрирована системная проработка данных по этнографии, религиозной специфике и дендрологическому опыту мордовского этноса. Соответственно, имеют место весьма сомнительные интерпретации сельских микро-историй из полевых материалов автора, которые затем проецируются на всю этнотерриториальную группу мордвы Заволжья. Таких примеров множество. Мы остановимся лишь на некоторых:

– анализируя языческие (дохристианские) верования мордвы, В.Н. Беленов заявляет, что “ведь-ава, вирь-ава, юрт-ава и прочие второстепенные персонажи мордовского пантеона мордвой Самарской области собственно богами не считаются, а воспринимаются здесь как некие мифические существа”. Указанные персонажи (далеко не второстепенные) никогда и не являлись богами; на уровне анимистических представлений в мордовской мифологии они повсеместно считались персонифицированными духами-покровителями воды, леса, дома, бани и т.д.;

– весьма оригинальной является самим автором поставленная под сомнение интерпретация (в качестве одного из вариантов) истории возникновения праздника *Ватази чи* в с. Коноваловка Борского р-на. В жизни русско-мордовского села до сего дня, действительно, на уровне исторической памяти сохраняется информация о “кулачках” 1923 г., где произошло убийство русского крестьянина Никифора Обьедкова. Было и собрание сельчан, и милиция приезжала, но это и по времени события, и по содержанию не может рассматриваться в качестве основания традиционного праздника Троицы и обряда проводов весны;

– зафиксированное на уровне устной истории и исторической памяти старожилов “почитание вяза” в двух мокшанских правобережных селениях Бахилово (Ставропольского р-на) и Торновое (Волжского р-на) рассматривается автором в качестве “общей характерной черты” мордвы-мокши Самарской Луки. В полевых экспедициях 1995–1996 гг. нами было обнаружено сакральное место около вяза на входе (из с. Рождествено) в д. Торновое (*Ведерникова и др.* 1996), однако это не дает оснований для унификации традиции в целом на Самарской Луке. Тем более что для мокши д. Шелехметь и с. Новинки сакральными для обряда вызывания дождя были росшие между указанными селениями дикие яблони. Сами за себя говорят и повсеместное использование мордвой березы в календарной обрядности (в народном празднике Троицы и обряде проводов весны), и березового веника в режиссуре свадьбы, широко распространенных в среде разных народов (*Зорин* 2006);

– обряды вызывания дождя, представленные полевыми материалами автора из отдельных селений Самарской области, не являются оригинальными и тем более обладающими локальной спецификой. В опубликованных ранее работах (*Корнишина* 2008а, 2007; *Ведерникова* 2019) отражены общемордовские тради-

ции в культурных практиках, связанных с водой, родниками, источниками. Кроме того, обряды “испрошения” дождя у мордвы повсеместно связаны с культом предков и обращением к покровительнице воды Ведь-аве.

Неубедительны и выводы автора о своеобразии традиционной культуры мордвы Самарского Поволжья. Например, такие заявления, как “...свадебные обряды мордвы Самарского Поволжья, там, где они сохранились, в общих чертах тождественны соответствующим обрядам мордвы других регионов России” или “...традиционное мировосприятие мордвы Самарского Поволжья в целом неразрывно связано с представлениями мордвы, расселяющейся на других территориях”, свидетельствуют об отсутствии искомого своеобразия, за исключением единичных случаев.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ И ТОПОНИМИКЕ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Г.А. Корнишина

Разработка теоретико-методологических основ структуры этносов, а также ее иерархических таксонов является одним из актуальнейших направлений современной этнологической науки. Интерес к нему вызван интенсификацией в последние годы этнических процессов, а также тем, что эти процессы служат маркерами тенденций и основных векторов развития этносов и их отдельных групп. В связи с этим вызывает одобрение появление публикаций, в которых рассматривается современное состояние тех или иных структурных этнических образований, а также факторов, определяющих дальнейшее развитие их культуры и языка. Именно подобные цели обозначены Н.В. Беленовым в статье, посвященной мордовскому населению Самарского Поволжья. Несомненным достоинством данного исследования является широкое привлечение полевых материалов, собранных в различных районах Самарской области.

К сожалению, основные положения статьи вызывают серьезные возражения. В первую очередь это относится к трактовке одного из базовых ее терминов – “этнотерриториальная группа”, так автором именуется мордовское (мокшанское и эрзянское) население отдельных районов, а иногда и нескольких селений Самарской области. В то время как согласно современным теоретико-методологическим концепциям структуры любого этноса (в том числе и мордовского) этнотерриториальная группа – один из его основных иерархических таксонов. Данная дефиниция, по мнению многих исследователей (Р.Г. Кузеева, Д.М. Исхакова, Е.А. Ягафовой, Г.А. Корнишиной)¹, обозначает часть этноса, образование которого происходило на протяжении длительного периода времени на значительной территории и представители которого до настоящего времени сохраняют свою этнокультурную и языковую самобытность. Исходя из этого, этнотерриториальной группой, если говорить о рассматриваемом в публикации регионе, является так наз. заволжская мордва или мордва Заволжья. Территория ее расселения – Самарская область, а также граничащие с ней районы Оренбуржья, Ульяновской области, Республики Татарстан и северо-восток Башкирии.

Несомненно, в составе заволжской мордвы, в том числе проживающей на территории современной Самарской области, выделяются отдельные локаль-

ные группы. Это связано с ее формированием, которое происходило со второй половины XVII в. до 1920-х годов. Колонизация мордовским населением новых территорий осуществлялась с согласия государственных органов или по желанию помещиков, было и вольное заселение земель крепостными крестьянами, бежавшими от своих владельцев. Примером планомерного государственного переселения может служить целый ряд мокшанско-русских селений бывшего Ставропольского уезда – Нижнее и Верхнее Санчелеево, Лопатино, Узюково, Подстепки, возникших в результате перевода сюда мокшанских городских казаков (*Козлов* 1958: 52).

Наиболее ранние миграционные потоки мордвы на левобережье Волги шли из Нижегородского, Арзамасского, Алатырского, Симбирского и Казанского уездов, где в основном проживала эрзя. Во второй половине XVIII в. в Заволжье начала переселяться и мордва Пензенско-Саратовского края, а в XIX в. здесь появились выходцы из Пензенской и Тамбовской губерний, в результате чего доля мокши на новых территориях заметно выросла (*Козлов* 1960: 27). Прибывшие из различных регионов люди зачастую обосновывались в одних населенных пунктах. Например, с. Большой Толкай бывшего Бугурусланского уезда (ныне Похвистневский р-н) было основано выходцами из Пензенского и Симбирского уездов, с. Малый Толкай (Похвистневский р-н) – из Симбирского, Наровчатского и Пензенского уездов (*Тумайкин* 1974а: 80). Это обстоятельство способствовало сближению и объединению мокшан и эрзян, нередко становившихся жителями одного населенного пункта. В зависимости от того, какая из этих этнических групп мордвы преобладала в данной местности, происходила “эрзянизация” мокши или “мокшанизация” эрзи, о чем свидетельствуют топонимы многих мордовских селений Самарской области. Например, о том, что в эрзянском с. Багана Шенталинского р-на когда-то проживала мокша, указывает название одной из улиц – “Мокшо”, а в эрзянском с. Алешкино Похвистневского р-на есть колодец “Мокшень лисьма” – явный мокшанский след (*Корнишина* 2015а: 12). Кроме того, на одной территории вместе часто поселялись люди разных национальностей. Так, в Исаклинском районе Самарской обл., где мордва проживает в 13 населенных пунктах, преимущественно мордовскими являются шесть селений, в четырех вместе с мордвой живут русские, в одном чуваша, а еще два селения характеризуются “широким” этническим составом (русские, мордва, чуваша, татары, украинцы) (Исаклинский р-н б.г.).

В результате такого расселения у заволжской мордвы сформировался своеобразный культурно-бытовой комплекс. Его характеризуют, с одной стороны, архаичные элементы, обусловленные определенной изоляцией от других этно-территориальных групп мордовского этноса в течение длительного времени, а с другой – новации, возникшие в результате стабильных контактов мокши и эрзи как между собой, так и с соседними народами. В составе этого комплекса, как уже отмечалось выше, существуют локальные группы, но их основным признаком является отнюдь не “районный” принцип расселения, а базовые компоненты материальной и духовной культуры, а также языковые особенности. К сожалению, в статье об этих особенностях упоминается лишь вскользь, их сущность не раскрывается.

Кроме того, не всегда ясны критерии, согласно которым в состав тех или иных “районных групп” включаются отдельные селения. Например, в группу “шенталинской мордвы” почему-то не вошло находящееся рядом со Старой Шенталой (Шенталинский р-н) с. Багана; непонятно, почему в группе “клявлинской мордвы” оказалось с. Новый Байтермиш (Исаклинский р-н) или в группе “похвистневской мордвы” с. Ерзовка (Кинель-Черкасский р-н) и т.п. Возможно, что для этого есть какие-то основания, но они не уточнены.

Отдельные селения в статье не отнесены ни к одной из так наз. этнотерриториальных групп, т.к. их жители якобы демонстрируют “уникальные этнокультурные и этноязыковые особенности”. Но конкретного описания этих “особенностей” автор не приводит. Так, с. Шилан (Красноярский р-н) преподносится как “нетипичное” в ряду других мордовских населенных пунктов региона. Это утверждение обосновывается тем, что село основано в середине XIX в., тогда как большинство мордовских селений возникло в XVIII столетии, а также тем, что предки шиланцев являются выходцами из “современных Атяшевского и Дубёнского районов Республики Мордовия, в то время как предки остальных этнотерриториальных групп мордвы Самарского Поволжья переселились сюда с территории современных Ульяновской и Пензенской областей”.

Данные аргументы не совсем верны. Дело в том, что в XIX в. миграция мордвы в левобережье Волги продолжается, но основной ее поток направляется в основном в южные регионы Самарской губернии, а именно в Новоузенский и Бузулукский уезды. Что касается современных Атяшевского и Дубёнского районов Республики Мордовия, то они в XIX в. входили в состав Симбирской губернии, которая в дальнейшем была реорганизована. Основная часть ее территории в настоящее время включена в состав Ульяновской области, земли Алатырского, Ардатовского и Карсунского уездов частично вошли в состав Республики Мордовия и Республики Чувашия. Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что основателями с. Шилан были переселенцы из Ардатовского и Алатырского уездов Симбирской губернии (ПМА 1: Синегубов). Выходцы из этих уездов также составили определенную долю первопоселенцев с. Коноваловки (Борский р-н), которое упоминается в статье в числе “уникальных” поселений, а также положили начало селам Новое Афонькино Бугульминского уезда и Кирюшкино Бугурусланского уезда (*Тумайкин* 1974а: 80). Таким образом, историю возникновения Шилана нельзя назвать “нетипичной”.

Надо также отметить, что фактологический материал, касающийся культурных традиций мордвы Самарского Поволжья, изложен довольно сумбурно, лишен новизны, в нем практически нет убедительных фактов (за редким исключением), которые могли бы дать основание для заключительных выводов автора о самобытном характере этих традиций.

Так, сведения о дохристианских верованиях мордвы, приводимые в статье, общеизвестны, о них не раз писалось в различных публикациях. Не является уникальным, присущим только самарской мордве и представление о дохристианских покровителях леса, воды, двора и т.д. (которые “мордвой Самарской области собственно богами не считаются, а воспринимаются здесь как некие мифические существа”) – подобные воззрения возникли в народной среде в период распространения среди мордвы христианства. В это же время появляются легенды о происхождении этих мифологических персонажей именно с христианской точки зрения. Одну из таких легенд рассказала нам в 1997 г. жительница с. Новый Маклауш Клявлинского р-на: “Ангелы захотели стать выше бога. За это бог спустил их в виде дождя на землю. Кто упал в баню, стал Шайтаном, кто в лес – Вирь авой, кто в воду – Вель авой, кто в дом – Куд авой” (ПМА 2: Спиридонова). В настоящее время лишь представители старшего поколения еще помнят о значении этих древних божеств мордвы как духов-покровителей природных стихий, жилых и хозяйственных построек, а более молодые люди считают их чисто сказочными персонажами.

Трудно согласиться и с утверждением, что “[о]дной из специфических особенностей молений о дожде, зафиксированной в ряде мордовских сел региона, является проведение этого обряда у источников, расположенных в удаленной, труднодоступной местности”. Подобные факты были зафиксированы и у других

территориальных групп мордвы, о чем и сам автор пишет немного ниже, когда говорит о проведении похожего обряда у мордовского населения современной Ульяновской области. Удивляет то, что, описывая моления о дожде у эрзянского населения с. Большая Ёга, совершаемые женщинами на Шихан-горе, автор почему-то для сравнения берет материал по ульяновской (симбирской) мордве и при этом упускает из виду аналогичный материал по мордве соседних селений Большой и Малый Толкай, расположенных в том же Похвистневском р-не.

Вызывает большие сомнения правильность написания и трактовки в статье многих названий на мордовском языке. Это, например, наименования культурных мест Старипчане, Репчапре, Ала тесэ и Вере тесэ, Алкурай кереметь и Веркурай кереметь. Вероятнее всего, данные топонимы зафиксированы человеком, не знающим языка, которому трудно разобраться в правильности как их написания, так и перевода. Кроме того, поскольку это не литературный язык, правильнее было бы использовать их фонетическую транскрипцию. Только в этом случае можно было бы более-менее точно определить их языковую (эрзянскую или мокшанскую) принадлежность и происхождение (исконное, заимствованное или смешанное), а уже затем, опираясь на эти данные, анализировать значение использованных топонимов.

В связи с этим надо отметить, что спорной является и трактовка имени мифологического существа Сарда/Варда – существа, которое, согласно преданиям жителей с. Шилан, может утопить человека, купающегося после Ильина дня (2 августа). В статье Сарда/Варда определяется как “рабыня”, “служанка”. Но слово имеет и другое значение, более подходящее для данного контекста: “враг”, “злой дух”, “нечистая сила” – в таком качестве Сарда/Варда нередко фигурирует в мордовском фольклоре (*Юрчёнков и др.* 2020: 129–130). Кстати, в произведениях устно-поэтического творчества Варда часто именно топтит встретившегося ей человека, как правило, молодую девушку, ищущую своих пропавших братьев.

В заключение хотелось бы отметить, что в обсуждаемой статье нет убедительной аргументации ее основных целей и положений, она изобилует общими фразами об “уникальных культурных традициях и элементах традиционного мировоззрения мордвы Самарского Поволжья”. Хотя возможность отыскать и проанализировать отдельные своеобразные элементы в локальных культурных комплексах мордовского населения рассматриваемого региона имеется. Возьмем тот же свадебный цикл, который, как отмечает сам автор публикации, “является наиболее глубоко изученным и досконально описанным этнографами”. Несмотря на то что в своей основе он сходен с традиционной мордовской свадьбой других регионов, есть и местные варианты, отличающиеся составом главных действующих лиц, отдельными обрядовыми компонентами, набором материальных элементов и т.п. Так, в мордовских селах Шенталинского района выделяется особый персонаж свадебного поезда – “ярцка”, его функции сходны с теми, которые выполняет русское “поддружье”. Или еще один пример: в Самарском Поволжье одним из свадебных атрибутов является украшенное лентами и бумажными цветами молодое деревце ели или сосны – “красотка”. “Красотку”носят за невестой на протяжении всей свадьбы, а по ее окончании ломают и всем присутствующим раздают с нее цветы и ленты (*Корнишина* 2000: 90, 97).

Подобные своеобразные элементы имеются не только в свадебном, но и в других обрядовых циклах мордовского населения Самарской области. Местные варианты культурных комплексов можно выявить с помощью изучения традиционного костюма, типов жилых и хозяйственных построек, языковых диалектов (конечно, при их хорошем знании!!!) и т.п. Только опираясь на конкретные факты, и можно выделить локальные территориальные группы мордовского населения Самарского Поволжья, особенности их культуры и языка.

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Н.И. Беленов

Хочу выразить глубокую признательность редакции журнала “Этнографическое обозрение” за предоставленную для дискуссии площадку, а также уважаемым оппонентам за обсуждение моей работы.

Одна из основных претензий, высказанных оппонентами, связана с представленным в моей работе подходом к выделению этнотерриториальных групп внутри мордвы Самарского Поволжья. Г.А. Корнишина и Т.И. Ведерникова настаивают на том, что всю мордву, проживающую на территории Башкирии и Оренбуржья, большей части Самарской, Саратовской областей и Татарстана, значительной части Ульяновской области, следует рассматривать как одну этнотерриториальную группу – “мордва Заволжья”.

В обсуждаемой работе в силу ее специфики я не останавливался на критериях, на основании которых выделялись этнотерриториальные группы мордвы Самарского Поволжья. Отвечая на вопрос уважаемых оппонентов, привожу их здесь. На мой взгляд, это: а) этническая принадлежность; б) язык; в) самоидентификация (осознание внутреннего единства).

Постулируемая уважаемыми оппонентами этнотерриториальная группа “мордва Заволжья” не удовлетворяет ни одному из этих критериев, поскольку:

а) в эту группу искусственно включается население как мокшанских, так и эрзянских сел региона, что уже противоречит любому определению этнотерриториальной группы, так как данное понятие не может быть шире, чем понятие этноса;

б) ни заволжского диалекта, ни заволжского говора не существует ни в мокшанском, ни в эрзянском языках. Более того, общение между жителями различных мордовских сел Заволжья зачастую невозможно без привлечения русского языка;

в) ни в одном из исследованных мной мордовских сел Заволжья – в Самарской, Ульяновской, Оренбургской областях, Татарстане – мне не встречалась формула самоидентификации “я – заволжский мордвин”.

Вместе с тем у мордвы указанных территорий отмечаются следующие устойчивые формулы самоидентификации: “клявлинская мордва”, “северная мордва”/“северная эрзя” (Северный р-н Оренбургской обл.), “похвистневская мордва”, “шенталинская мордва”, “бинарадская мордва”. Указанные формулы отличаются заметной устойчивостью. Они действуют не только на территории соответствующих районов, представители этнотерриториальных групп сохраняют их и при переезде в мордовские села других районов области и смежных регионов (так, нами отмечены достаточно крупные группы шенталинской мордвы в селах Большая Каменка Красноярского р-на и Трофимовка Нефтегорского р-на Самарской обл., клявлинской мордвы в с. Старое Суркино Шенталинского р-на Самарской обл.).

В тексте обсуждаемой работы мной действительно, как отмечают оппоненты, немного сказано о языковых особенностях отдельных этнотерриториальных групп мордвы региона. Это объясняется тем, что данный вопрос выходит за рамки статьи, в центре внимания которой традиционная культура мордвы Самарского Поволжья. Характеристике и сравнительному анализу говоров мордвы региона, их отдельным лексическим кластерам я уделяю значительное внимание в других своих работах, к которым и отсылаю заинтересованного читателя (помимо указанных ранее в основной статье, см. также: *Беленов 2019, 2021*).

Далее разъясню свою позицию по тем селам региона, включение которых в ту или иную этнотерриториальную группу вызвало специальные вопросы у уважаемых оппонентов. Как справедливо отмечает Г.А. Корнишина, эрзянское с. Багана тоже располагается на территории Шенталинского р-на Самарской обл., так почему же тогда я не отношу его население к “шенталинской мордве”? Дело в том, что на территории Шенталинского р-на есть старейшее эрзянское село с названием Старая Шентала, говор жителей которого имеет ряд значительных отличий от остальных эрзянских говоров района. Выходцами из Старой Шенталы в 1733 г. основано с. Степная Шентала (ныне расположенное в Кошкинском р-не Самарской обл.), население которого до настоящего времени помнит о своем происхождении. В XX в. в результате столыпинских реформ из Степной Шенталы выделился целый ряд хуторов, которые затем в ходе коллективизации вновь были сведены в единый населенный пункт, получивший название Городок – его жители также продолжают называть себя “шенталинской мордвой”. На основании вышеизложенного я включил в группу шенталинской мордвы эрзян Старой Шенталы, Степной Шенталы и Городка. Население же остальных мордовских сел Шенталинского района, по моему мнению, нельзя относить не только к этой, но и вообще к какой-либо единой этнотерриториальной группе. Так, эрзянский говор упомянутого выше с. Багана близок говорам, бытующим в селах Старое Суркино, Новое Суркино, Васильевка, Сенькино (Шенталинский р-н) (ПМА 5), – вместе они составляют еще одну этнотерриториальную группу мордвы Самарского Поволжья, использовать для которой название “шенталинская” не представляется возможным, дабы не допустить смешения с рассмотренной выше группой (села Старая Шентала, Степная Шентала и Городок). Далее, эрзянский говор с. Тимяшево Шенталинского р-на по ряду характеристических признаков (фонетически, акцентологически, лексически) отличается как от уже упомянутых говоров, так и от старошенталинского. Вместе с тем надо отметить, что эрзянские говоры, близкие тимяшевскому, бытуют на территории Челно-Вершинского р-на Самарской обл. и южных районов Татарстана. То же можно сказать и об эрзянском говоре д. Подлесная Андреевка Шенталинского р-на. Вероятно, общие особенности данных говоров позволяют объединить в трансрегиональную этнотерриториальную группу ряд мордовских сел северных районов Самарской обл. и южных районов Татарстана.

Деревня Новый Байтермиш (Исаклинский р-н Самарской обл.) причислена мной к “клявлинской мордве” на том основании, что для мордовского населения деревни характерны клявлинский говор эрзянского языка и самоидентификация “клявлинская мордва”. А мордва с. Ерзовка Кинель-Черкасского р-на отнесена к “похвистневской мордве”, поскольку на протяжении XX в. сюда переселилось значительное количество мордвы из сел Большой Толкай и Малый Толкай (Похвистневский р-н). Кроме того, в Ерзовку в полном составе перешло население ряда небольших, сегодня не существующих поселков (Утешительного, Зинаевки, Битоновки, Лодыревки, Дурасово), выделившихся во второй половине XIX – первой половине XX в. из Малого Толкая. Таким образом, костяк мордовского населения Ерзовки в настоящее время составляют похвистневские эрзяне.

Далее Г.А. Корнишина пишет: “Вызывает большие сомнения правильность написания и трактовки в статье многих названий на мордовском языке”. Здесь прежде всего следует уточнить, что никакого “мордовского языка” не существует, есть мокша-мордовский и эрзя-мордовский – это родственные, но различные языки. Что же касается названий, приведенных мной в статье, то на их формах и этимологиях остановимся подробнее. *Репчапре* и *Старипчане* – названия из

торновского говора мокша-мордовского языка, *Алкурай кереметь*, *Веркурай кереметь*, *Ала тесэ*, *Вере тесэ* – из бахиловского говора мокша-мордовского языка. В основе двух первых топонимов лежит термин *рипча*, бытующий в настоящее время в торновском говоре в значениях “поле”, “поле на месте бывшего леса” и восходящий к русскому термину *речище*, также имеющему значительное распространение в топонимии Самарской Луки. *Репчапре* введен в научный оборот В.Ф. Барашковым, поэтому в статье он оставлен в той форме, в которой впервые появился в специальной литературе (*Барашков* и др. 1996). Вероятно, на вариативность записи термина *репча/рипча* повлиял тот факт, что ударение в торновском говоре в большинстве лексем падает на последний слог; не исключение и лексема *рипча*. Топоним *Репчапре* является двусоставным: *репча/рипча* (“поле”) + *пре* (общемордовское *пря* – “голова”; в топонимии – “вершина”, “начало”). Однако мокшанские говоры Самарской Луки отличаются от литературно-письменного мокша-мордовского языка особенностями вокализма, одной из которых является подтвержденный многочисленными примерами переход [а/я] в [е/э] (подробнее см.: *Беленов* 2018). Таким образом, топоним *Репчапре* может быть переведен как “вершина поля” – это название в действительности относится к верхней части поля, располагающегося на склоне горы. В основе топонима *Старипчане*, по мнению наших информантов, лежат лексемы *стара* (адаптированная в торновском говоре русская лексема *старое*) + *рипча* (“поле”) + *не* (мокшанский аффикс уменьшительности *ня*, в соответствии с вокализмом торновского говора принявший форму *не*) = “старая поляна”. В разговорной речи носителей торновского говора название *Стара рипчане* со временем преобразовалось в *Старипчане* (ПМА 4: М.А. Радаева). Вместе с тем я не исключаю, что первый компонент топонима может восходить к мокшанской лексеме *стирь* (“девушка”), которая в торновском говоре имеет форму *стырь*. Если это предположение верно, то в окрестностях Торнового можно указать русскую кальку данного топонима – *Девичья поляна*. Кроме того, как следует из материалов Ю.К. Рощевского, в обрядовой культуре торновской мордвы эпитет “девичий” встречается достаточно часто, сравните: “девичий квас (пиво)”, “девичий вяз”.

В бахиловском говоре мокша-мордовского языка отмечается тот же переход гласных, что и в торновском, отсюда: *тесэ* вместо литературно-письменного *тяса* (“здесь”), *вере* вместо *вяре* (“верх”, “вверху”) и т.д. *Алкурай кереметь* и *Веркурай кереметь* – названия двух небольших озер в Бахилово, они записаны мной от информантов в 2018 г. Финаль *й*, вероятно, является аффиксом, который в мордовских языках часто используется при уважительном, родственном обращении; сравните: *Тядяней!* (мокш.) – “Матушка моя!” Напомним, что бахиловская мордва называет местное языческое божество *Матушка кереметь*. Слово *кура*, первоначально имевшее значения “часть села”, “небольшое село” (в последнем значении оно сохраняется в родственном бахиловскому старобинарадском говоре), в настоящее время в Бахилово означает “озеро” (ПМА 5). Таким образом, изначально данные названия маркировали места поклонения местному божеству *Кереметь* в верхней и нижней частях села, как и два старых вяза – *Ала тесэ* (“Низ здесь”) и *Вере тесэ* (“Верх здесь”).

Наконец, Г.А. Корнишина отмечает: “Вероятнее всего, данные топонимы зафиксированы человеком, не знающим языка, которому трудно разобраться в правильности как их написания, так и перевода”. Что касается автора обсуждаемой статьи, то мокша-мордовский у меня разговорный, эрзянский – на уровне понимания.

Т.И. Ведерниковой в качестве одного из основных замечаний к статье заявлено “отсутствие искомого своеобразия” в традиционной культуре мордвы Самарского Поволжья. Так как один из элементов данного своеобразия связан с

поставленным Т.И. Ведерниковой же под сомнение культом почитания вяза на Самарской Луке, с него и начну свой ответ.

Обратимся к материалам ведущего этнографа Самарской Луки Ю.К. Рощевского, описывающего со слов старожилов с. Торновое празднование Троицы в этом селе до 1930 г.:

<...> Молян представлял собой не распаханный, поросший травой участок, в середине которого рос огромный старый раскидистый вяз. Его называли Девичьим.

Как только ступали на траву моляна, все должны были подчиняться заранее назначенной колдунье. <...> В начале XX века это была бабка Дарья. <...>

Бабка Дарья подходила к вязу. Поодаль полукругом вставали девушки <...> <...> Начинали моление стоя, повернувшись лицом к вязу. Через некоторое время молящиеся опускались на колени и продолжали молитвы, опустив головы до земли (Рощевский б.г.).

В настоящее время урочище, где ранее совершался описываемый Ю.К. Рощевским молян, у торновской мордвы носит название *Поклонный Вяз* (ПМА 4: Т. Радаева).

В урочище *Ренчапре* мной в 2018 г. отмечен старый вяз, пользующийся особым почитанием торновской мордвы и сегодня. Моления о дожде возле него уже не проводятся, однако за деревом заботливо ухаживают: его надломившийся ствол скреплен металлическим ободом.

При описании языческих молений мордвы в с. Бахилово Ю.К. Рощевский отмечает:

Поклонялись Керемети у одноименного вяза и не только на Троицу. Бахиловские жители сохранили больше языческих обычаев (чем жители сел Торновое и Шелехметь. – Н.Б.). Да и Керемети они поклонялись дольше, приблизительно до 1945 г. Кроме того, в Бахилово было два моляна: Кереметь нижний (в центре села) и Кереметь верхний (у северо-западной окраины села) (Рощевский б.г.).

Полагаем, приведенные описания позволяют однозначно утверждать, что у мордвы-мокши Самарской Луки среди деревьев выделяется именно вяз, он занимает центральное место при проведении языческих обрядов. А, учитывая, как пишет сама Т.И. Ведерникова, то, что “[с]амо за себя говорит повсеместное использование мордвой березы в календарной обрядности (в народном празднике Троицы и обряде проводов весны)”, факт поклонения вязу, по нашему мнению, как раз и является подтверждением наличия “искомого своеобразия” в традиционной культуре мокшан Самарской Луки.

Далее: приведенную мной в статье фольклорную трактовку возникновение праздника *Ватази чи* в с. Коноваловка Т.И. Ведерникова называет “весьма оригинальной”. И здесь я полностью согласен с уважаемым оппонентом – она действительно весьма оригинальна, поэтому я и включил ее в свой текст. Еще раз отмечу, что в моей работе нигде нет и намека на то, что я признаю эту трактовку как исторически достоверную – свою версию происхождения праздника, как и этимологию его названия я подробно излагаю в статье. Вариант, записанный от информантов в Коноваловке, приведен мной исключительно в качестве уникального фольклорного сюжета для объяснения обрядов Троицкого цикла у коноваловской мордвы, что, по моему мнению, уместно в статье, посвященной специфическим чертам традиционной культуры мордвы Самарского Поволжья. Название этого праздника в Коноваловке также уникально для мордвы как исследуемого региона, так и других территорий расселения. Следовательно, “искомое своеобразие” обнаруживается и в этом случае.

Полемизируя со мной относительно места в мордовском язычестве ряда мифических персонажей, Т.И. Ведерникова пишет: “Указанные персонажи (далеко не второстепенные) (ведь-ава, вирь-ава, юрт-ава. – *Н.Б.*) никогда и не являлись богами”. У автора фундаментальных работ по религиозным верованиям и мифологии мордвы Н.Ф. Мокшина, однако, другое мнение: “...мордовское божество воды Ведь-ава, мордовское божество земли Мода-ава, мордовское божество дома Кудо-ава и некоторые другие...” (*Мокшин* 1965: 196). Таким образом, очевидно, что в данном вопросе возможны различные подходы, в том числе и тот, который отражен в тексте моей статьи.

Наконец, отвечая на финальные замечания Т.И. Ведерниковой о том, что я, как бы, сам себе противоречу, отмечая, что многие элементы традиционной культуры самарской мордвы неразрывно связаны с соответствующими элементами культуры мордвы других регионов России, прошу заметить, что я как автор и не пытался их противопоставлять. В моей работе, как это следует из ее названия, речь идет лишь о некоторых особенностях традиционной культуры мордвы Самарского Поволжья, которые я и постарался раскрыть, опираясь на материалы полевых исследований.

Примечания

¹ См.: *Корнишина* 2015а: 13–15; Кузеев 1992: 247; *Мухаметшин и др.* 2002: 54; *Ягафова* 1998: 7, 363.

Источники и материалы

Иса克林ский р-н б.г. – Иса克林ский район. https://wikicom.ru/wiki/Иса克林ский_район (дата обращения: 10.06.2021).

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Красноярский р-н Самарской обл. Июнь 1985 г. (информант Я.Е. Синегубов, 1901 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Клявлинский р-н Самарской обл. Июль 1997 г. (информант Х.М. Спиридонова, 1896 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Старое Суркино Шенталинского р-на Самарской обл. Октябрь 2019 г. (информант С.Я. Кандраев, 1965 г.р.).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Торновое Волжского р-на Самарской обл. Сентябрь 2018 г. (информанты: М.А. Радаева, 1928 г.р.; Т. Радаева, 1931 г.р.).

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Бахилово Ставропольского р-на Самарской обл. Декабрь 2018 г. (информант И.В. Мордвинова, 1961 г.р.).
Рощевский б.г. – Обыденная жизнь. Ч. 2 // Живой Журнал Юрия Рощевского. <https://yurigo.livejournal.com/9911.html> (дата обращения: 16.08.2021).

Юрчёнков и др. 2020 – *Юрчёнков В.А.* и др. (науч. ред.) Мордовская мифология: энциклопедия. Саранск: НИИГН, 2020.

Научная литература

Алексеева В.И. Новая Кармала. Самара: Слово, 2019.

Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996.

Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара: Порто-принт, 2018.

Беленов Н.В. Сельскохозяйственная топонимная лексика эрзя-мордовского на-

- селения села Красные Ключи Самарской области // Успехи современной науки и образования. 2019. № 2. С. 16–20.
- Беленов Н.В.* Географическая лексика и топонимия старорешеталинского говора эрзя-мордовского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. 2021. № 1. С. 67–80.
- Ведерникова Т.И.* Формирование этнически смешанного населения степного Самарского Заволжья в середине XVII – середине XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1981.
- Ведерникова Т.И.* Расселение мордвы в Самарском Заволжье (XVII – середина XIX вв.) // Этнокультурные связи мордвы. Дооктябрьский период / Отв. ред. Н.Ф. Мокшин. Саранск: МГУ, 1988. С. 38–40.
- Ведерникова Т.И.* Молоканские общины Самарского края в XIX–XXI вв. // Труды исторического факультета МГУ. Сер. 2. Исторические исследования. Вып. 57 (22), Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею докт. ист. наук, проф. К.И. Козловой / Отв. ред. А.А. Никишенков. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 42–52.
- Ведерникова Т.И.* Обряды вызывания дождя в культурных практиках народов Самарского края в XX веке // Природно-географический фактор в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Материалы Международной научной конференции 14–16 марта 2019 г. / Под общ. ред. проф. В.А. Веремченко. СПб.: Ленинградский гос. ун-т (ЛГУ) им. А.С. Пушкина, 2019. С. 118–123.
- Ведерникова Т.И., Сёмочкина Г.В., Столяров П.Д., Черных Л.А.* Край Кинель-Черкасский. Самара: Самарский гос. институт культуры, 2019.
- Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А.* Этнография Самарской Луки. Самара: Самарский региональный фонд “Полдень. XXII в.”, 1996.
- Евсеев М.Е.* Мордва Татареспублики // Материалы по изучению истории Татарстана. Вып. 2 / Под ред. Г.Г. Ибрагимова, Н.И. Воробьева. Казань: б.и., 1925.
- Зорин Н.В.* Очерки этнодендрологии. Казань: КГУ, 2006.
- Корнишина Г.А.* Общее и особенное в этнокультурных контактах мордвы Мордовской АССР и Куйбышевской области // Этнические аспекты культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР / Ред. М.Ф. Жиганов и др. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1987. С. 105–120.
- Корнишина Г.А.* Сельская семья мордвы Самарского Заволжья. Дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1992.
- Корнишина Г.А.* Традиционно-обрядовая культура мордвы: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007.
- Корнишина Г.А.* Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008а.
- Корнишина Г.А.* Конфессиональная характеристика мордвы Самарского края в контексте этнической идентичности // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: труды Международной научной конференции / Ред. Ю.П. Аншаков и др. Самара: Поволжский филиал Института российской истории РАН, 2008. С. 217–224.
- Корнишина Г.А.* Структура мордовского этноса: методологические аспекты проблемы // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2015а. № 2 (30). С. 10–18.
- Корнишина Г.А.* Этнокультурная самоидентификация последователей неортодоксальных христианских вероучений (на примере мордовской религиозной общины) // Этнографическое обозрение. 2015б. № 5. С. 63–72.

- Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.
- Малкова Н.М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский гос. ун-т, Ижевск, 2000.
- Мокшин Н.Ф. О мордовско-марийских этнических связях (по материалам религиозных верований) // Этногенез мордовского народа / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова и др. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1965. С. 195–200.
- Петербургский И.М. и др. Мордва Заволжья. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1994.
- Поздьяев И.С. Из материалов комиссии по изучению нацменьшинств. Древние обряды самарской мордвы // Известия СГУ. Вып. 5. 1928. С. 13–18.
- Прокина Т.П., Сурина М.И. (сост., авт. текста) Мордовский народный костюм: альбом. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1990.
- Смирнов Ю.Н. Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII – начала XX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 26–34.
- Тумайкин В.П. Из истории заселения мордвой левобережья Средней Волги (XVIII–XIX вв.) // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 47 / Ред. С.В. Заварзин и др. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1974а. С. 73–88.
- Тумайкин В.П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1974б.
- Тумайкин В.П. Семья и семейные отношения у мордвы Самарской губернии в XVIII–XIX вв. // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В.И. Козлов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1978. С. 77–86.
- Тумайкин В.П. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области // Этнокультурные процессы в Мордовии / Отв. ред. В.И. Козлов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1982. С. 148–157.
- Ягафова Е.А. Чувашская “диаспора” на постсоветском пространстве. Самара: ПГСГА, 2013.

Research Article

Vedernikova, T.I., G.A. Kornishina, and N.V. Belenov. On the Traditional Culture of Mordovians: Comments [O traditsionnoi kul'ture mordvy: kommentarii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 1, pp. 120–138. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010080> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tamara Vedernikova | <https://orcid.org/0000-0003-0212-8975> | vti53@mail.ru | Samara State Institute of Culture (167 Frunze Str., Samara, 443010, Russia)

Galina Kornishina | <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041> | g.kornihina@mail.ru | National Research Ogarev Mordovian State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia)

Nikolay Belenov | <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966> | belenov82@gmail.com | Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099, Russia)

Keywords

Mordva, Mordvins, Mordovians, traditional culture, Moksha-Mordovians, Erzya-Mordovians, Samara-Volga region, ethnic/territorial group

Abstract

This text features critical comments and discussion of the article “Aspects of the Traditional Culture of the Samara Povolzhie Mordovians” by Nikolay Belenov who examines the cultural traditions and worldview aspects that are distinctive to the Mordovians, or Mordvins, of the Samara-Volga region (Samara Povolzhie). The author argues that many aspects of the culture of Samara Povolzhie Mordovians had most likely stemmed from the same roots, common to all ethnic groups of Mordovians, but must have undergone substantial changes after this particular group had settled in the geographical area of Samara Povolzhie. Tamara Vedernikova and Galina Kornishina debate the author’s arguments, expounding their own views on the matter and inviting the author to respond to their criticisms.

References

- Alekseeva, V.I. 2019. *Novaia Karmala* [New Karmala]. Samara: Slovo.
- Barashkov, V.F., E.L. Dubman, and Y.N. Smirnov. 1996. *Samarskaia toponimika* [Toponymy of Samara]. Samara: SamGU.
- Belenov, N.V. 2018. *Moksha-mordovskaia toponimiia Samarskoi Luki* [Moksha-Mordovian Toponymy of Samara Luka]. Samara: Porto-print.
- Belenov, N.V. 2019. Sel’skokhoziaistvennaia toponimnaia leksika erzia-mordovskogo naseleniia sela Krasnye Kliuchi Samarskoi oblasti [Agricultural Toponymic Lexicon of the Erzya-Mordovian Population of the Krasnye Klyuchi, Samara Region]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia* 2: 16–20.
- Belenov, N.V. 2021. Geograficheskaia leksika i toponimiia staroshentalinskogo govora erzia-mordovskogo yazyka [Geographical Lexicon and Toponymy of the Staroshentalinsky Dialect of the Erzya-Mordovian Language]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* 1: 67–80.
- Evseviev, M.E. 1925. Mordva Tatarskoi Respubliki [Mordva of the Tatar Republic]. In *Materialy po izucheniiu istorii Tatarstana* [Materials for the Study of the History of Tatarstan], edited by G.G. Ibragimov and N.I. Vorobiev, 2. Kazan’.
- Kornishina, G.A. 1987. Obshchee i osobennoe v etnokol’turnykh kontaktakh mordvy Mordovskoi ASSR i Kuibyshevskoi oblasti [General and Special in Ethnocultural Contacts of the Mordovians of the Mordovian ASSR and the Kuibyshev Region]. In *Etnicheskie aspekty kul’turno-bytovykh protsessov v Mordovskoi ASSR* [Ethnic Aspects of Cultural and Everyday Processes in the Mordovian ASSR], edited by M.F. Zhiganov, et al., 105–120. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo.
- Kornishina, G.A. 1992. Sel’skaia sem’ia mordvy Samarskogo Zavolzh’ia [Rural Family of the Mordovians of the Samara Trans-Volga Region]. PhD diss., Moscow State University.
- Kornishina, G.A. 2000. *Traditsionnye obychai i obriady mordvy: istoricheskie korni, struktura, formy bytovaniia* [Traditional Customs and Rituals Mordovians: Historical Origins, Structure, Form of Existence]. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M.E. Evsev’eva.
- Kornishina, G.A. 2007. *Traditsionno-obriadovaia kul’tura mordvy: uchebnoe posobie* [The Traditional-Ritual Culture of the Mordovians: A Textbook]. Saransk: Izdatel’stvo Mordovskogo universiteta.
- Kornishina, G.A. 2008. *Ekologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obriadovyi*

- aspekt*) [Ecological Worldview of the Mordovians (a Religious-Ritual Aspect)]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.
- Kornishina, G.A. 2008. Konfessional'naiia kharakteristika mordvy Samarskogo kraia v kontekste etnicheskoi identichnosti [Confessional Characteristics of the Mordovians of the Samara Territory in the Context of Ethnic Identity]. In *Rol' konfessii v razvitii mezhdunarodnykh otnoshenii: Rossiia – Balkany – Povolzh'e: trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Role of Confessions in the Development of Interethnic Relations: Russia – Balkans – Volga Region: Proceedings of the International Scientific Conference], edited by Y.P. Anshakov, et al., 217–224. Samara: Povolzhskii filial Instituta rossiiskoi istorii RAN.
- Kornishina, G.A. 2015. Struktura mordovskogo etnosa: metodologicheskie aspekty problemy [The Structure of the Mordovian Ethnos: Methodological Aspects of the Problem]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniia* 2 (30): 10–18.
- Kornishina, G.A. 2015. Etnokul'turnaia samoidentifikatsiia posledovatelei neortodoksal'nykh khristianskikh verouchenii (na primere mordovskoi religioznoi obshchiny) [Ethnic-Cultural Identification of the Followers of Unorthodox Christian Teachings (The Case of Mordovian Religious Communities)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 63–72.
- Kozlov, V.I. 1958. Rasselenie mordvy-erzi i mokshi [Migrations of Mordvins-Erzi and Moksha]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 43–54.
- Kozlov, V.I. 1960. Rasselenie mordvy: istoricheskii ocherk [Migrations of Mordvins: A Historical Essay]. In *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda. Trudy Instituta etnografii AN SSSR*. [Proceedings of the Ethnic History of the Mordovian People: Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences], 1: 5–62. Moscow: Nauka.
- Kuzeev, R.G. 1992. *Narody Srednego Povolzh'ia i Yuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzgliad na istoriiu* [Peoples of the Middle Volga and South Urals: Ethnogenetic View of History]. Moscow: Nauka.
- Kuzeev, R.G. 1992. *Narody Srednego Povolzh'ia i Yuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzgliad na istoriiu* [Peoples of the Middle Volga and South Urals: Ethnogenetic View of History]. Moscow: Nauka.
- Malkova, N.M. 2000. Pogrebal'nyi obriad i inventar' mogil'nikov erzi i mokshi XVI – nachala XIX vv. [Funeral Rite and Inventory of the Erzi and Moksha Burial Grounds of the 16th – Early 19th Centuries]. PhD diss., Udmurt State University.
- Mokshin, N.F. 1965. O mordovsko-mariiskikh etnicheskikh svyaziakh (po materialam religioznykh verovanii) [About the Mordovian-Mari Ethnic Ties (Based on the Materials of Religious Beliefs)]. In *Etnogenez mordovskogo naroda* [Ethnogenesis of the Mordovian People], edited by B.A. Rybakov, et al., 195–200. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Mukhametshin, Y.G., et al. 2000. *Enoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ia i Urala i voprosy ikh formirovaniia: istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Ethno-Territorial Groups of the Tatars of the Volga Region and the Urals and Issues of Their Formation: Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan': Dom pečhati, 2002.
- Peterburgskii, I.M., et al. 1994. *Mordva Zavolzh'ia* [Mordovians of the Volga Region]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Pozdiaev, I.S. 1928. Iz materialov komissii po izucheniiu natsmen'shinstv. Drevniie obiady samarskoi mordvy [From the Materials of the Commission for the Study of National Minorities: Ancient Rituals of the Samara Mordovians]. *Izvestiia SGU* 5: 13–18.

- Prokina, T.P., and M.I. Surina. 1990. *Mordovskii narodnyi kostium: al'bom* [Mordovian Folk Costume: Album]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Smirnov, Y.N. 2020. Rol' mordvy v rasshirenii prostranstva rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury XVIII – nachala XX vv. [The Role of the Mordvins in the Expansion of the Space of the Russian State and Culture in the 18 – the Early 20 Century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* 1 (53): 26–34.
- Tumaikin, V.P. 1974. Iz istorii zaseleniia mordvoi levoberezh'ia Srednei Volgi (XVIII–XIX vv.) [From the History of the Settlement of the Mordvians on the Left Bank of the Middle Volga (18th–19th Centuries)]. In *Issledovaniia po istorii Mordovskoi ASSR. Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii i ekonomiki. Vyp. 47* [Research on the History of the Mordovian ASSR: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Economy], 47: 73–88. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Tumaikin, V.P. 1974. Sosedskaia obshchina zavolzhskoi mordvy v poreformennyi period (po materialam Samarskoi gubernii) [Neighboring Community of the Trans-Volga Mordvians in the Post-Reform Period (Based on Materials from the Samara Province)]. PhD diss., Moscow State University.
- Tumaikin, V.P. 1978. Sem'ia i semeinye otnosheniia u mordvy Samarskoi gubernii v XVIII–XIX vv. [Family and Family Relations among the Mordvians of the Samara Province in the 18th–19th Centuries]. In *Material'naia i dukhovnaia kul'tura mordvy v XVIII–XIX vv.* [Material and Spiritual Culture of the Mordvians in the 18th–19th Centuries], edited by V.I. Kozlov, 77–86. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978.
- Tumaikin, V.P. 1982. Svedeniia po material'noi kul'ture mordvy Kuibyshevskoi oblasti [Information on the Material Culture of the Mordvians in the Kuibyshev Region]. In *Etnokul'turnye protsessy v Mordovii* [Ethnocultural Processes in Mordovia], edited by V.I. Kozlov, 148–157. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982.
- Vedernikova, T.I. 1981. Formirovanie etnicheskii smeshannogo naseleniia stepnogo Samarskogo Zavolzh'ia v seredine XVII – seredine XIX vv. [Formation of the Ethnically Mixed Population of the Steppe Samara Trans-Volga Region in the Mid-17th – Mid-19th Centuries]. PhD diss., Moscow State University.
- Vedernikova, T.I. 1988. Rasselenie mordvy v Samarskom Zavolzh'ie (XVII – seredina XIX vv.) [Resettlement of the Mordvians in the Samara-Volga Region (17 – Mid-19 Centuries)]. In *Etnokul'turnye svyazi mordvy. Dooktiabr'skii period* [Ethnocultural Relations of the Mordvians: Pre-October Period], edited by N.F. Mokshin, 38–40. Saransk: MGU.
- Vedernikova, T.I. 2012. Molokanskii obshchiny Samarskogo kraia v XIX–XX vv. [Molokan Communities of the Samara Region in the 19–21 Centuries]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU (Series 2, Istoricheskie issledovaniia)* 57 (22): 42–52.
- Vedernikova, T.I. 2019. Obriady vyzvaniia dozhdia v kul'turnykh praktikakh narodov Samarskogo kraia v XX veke [Rituals of Making Rain in the Cultural Practices of the Peoples of the Samara Region in the 20th Century]. In *Prirodno-geograficheskii faktor v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost' (regional'nyi aspekt). Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 14–16 marta 2019 g.* [Natural and Geographical Factor in the Everyday Life of the Population of Russia: History and

- Modernity (Regional Aspect): Materials International Scientific Conference March 14–16, 2019], edited by V.A. Veremenko, 118–123. St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet (LGU) im. A.S. Pushkina.
- Vedernikova, T.I., G.V. Semochkina, P.D. Stoliarov, and L.A. Chernykh. 2019. *Krai Kinel'-Cherkasskii* [Kinel-Cherkassky Region]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury.
- Vedernikova, T.I., P.P. Fokin, and E.A. Yagafova. 1996. *Etnografiia Samarskoi Luki* [Ethnography of Samarskaya Luka]. Samara: Samarskii regional'nyi fond "Polden". XXII v."
- Yagafova, E.A. 1998. *Samarskie chuvashi (istoriko-etnograficheskie ocherki): konets XVII – nachalo XX vv* [The Chuvashi of Samara Region (Historical and Ethnographic Essays): Late 17th – Early 20th Centuries]. Samara.
- Yagafova, E.A. 2013. *Chuvashskaia "diaspora" na postsovetskom prostranstve* [Chuvash "Diaspora" in the Post-Soviet Space]. Samara: PGSGA.
- Zorin, N.V. 2006. *Ocherki etnodendrologii* [Essays on Ethnodendrology]. Kazan': KGU.